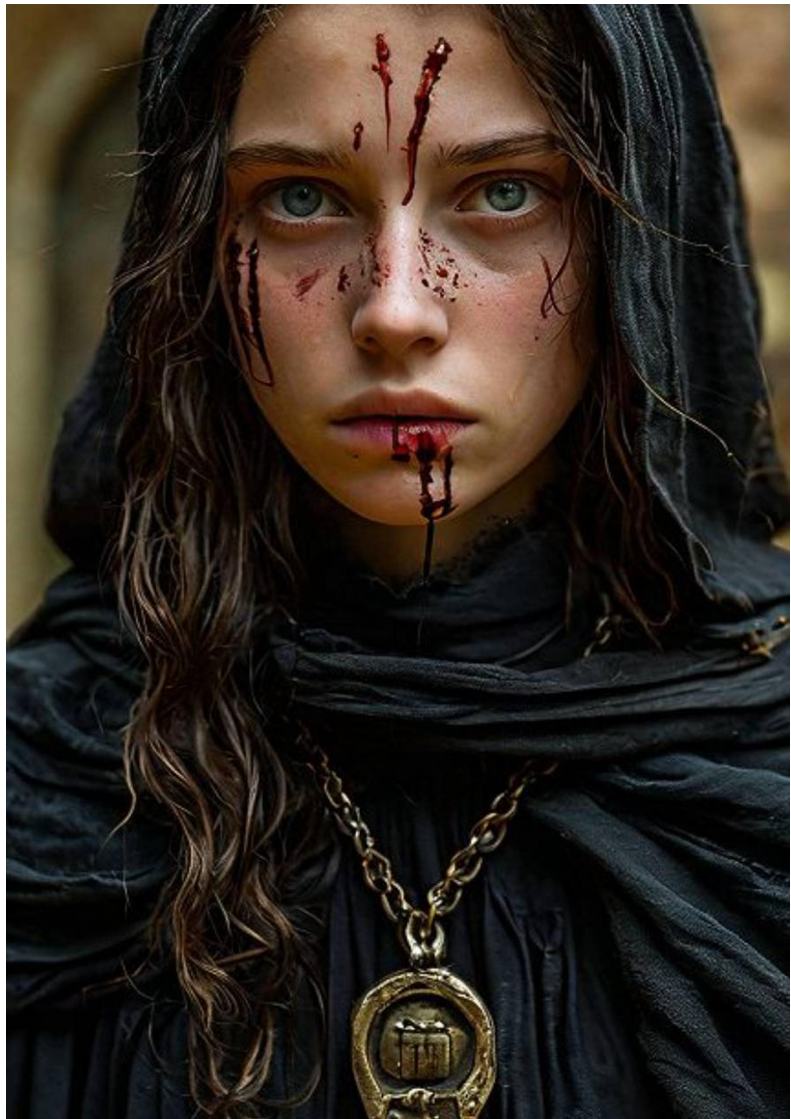

Огненная Лилия

Эхо алой веры

<https://litres.ru/74356202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая послушница Вера, выросшая в суровом монастыре Святой Алоизии, узнаёт, что её мать была принесена в жертву Кровоточащему Кресту — древней реликвии, которая раз в полвека «плачет» кровавыми слезами. Настоятельница Изабелла объявляет Веру следующей жертвой. Девушка бежит, находит дневник матери и отца-плотника, который раскрывает ей страшную тайну: Крест — это не святыня, а тюрьма для души рыцаря Адриана, заточённого туда столетия назад. Чтобы освободить его и остановить цепь жертв, Вера возвращается в монастырь, проводит древний ритуал, разрушает Крест и сталкивается с Изабеллой. Настоятельница сломлена, Вера прощает её. После освобождения души Адриана Вера обретает внутреннюю свободу, прощается с прошлым и вместе с отцом отправляется к морю — исполнять мечту матери.

Содержание

Глава 1. Слезы камня	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Огненная Лилия

Эхо алой веры

Глава 1. Слезы камня

Монастырь Святой Алоизии стоял на скале, словно вырос из неё, а не был построен человеческими руками. Серый камень его стен, тронутый зеленью мха и выбеленный веками дождей, казался частью горного хребта, который уходил в небо острыми зубцами. Казалось, само время обходило это место стороной, оставляя его в плену вечного холода и тишины, нарушаемой лишь завываниями ветра в ущельях да редким криком хищной птицы.

Вера стояла у окна своей кельи и смотрела вниз, на долину, которая тонула в утреннем тумане. Она провела здесь уже пять лет — пять лет молитв, послушаний и беспрекословного подчинения уставу. Пять лет, за которые она выучила каждый камень в стенах, каждый изгиб витражей в часовне и каждую трещину на древних фресках, изображающих мученическую смерть святой Алоизии.

Девушка провела ладонью по холодному стеклу. Ей было двадцать два, но в зеркале она видела лицо, которому можно было дать и все тридцать. Слишком серьёзные глаза цвета выгоревшего неба, слишком тонкие губы, сжатые в при-

вычную линию, слишком бледная кожа — результат бесконечных бдений и постов. Только волосы, выбивающиеся из-под строгого платка, были живыми — золотисто-каштановые, как хлебные поля в конце лета, которые она так любила в детстве.

Детство. Она почти не вспоминала о нём. Это было запрещено — не уставом, нет, а ею самой. Слишком больно.

— Сестра Вера, — раздался за спиной тихий, картавый голос. — Мать-настоятельница ждёт вас в молельне.

Она обернулась. В дверях стояла послушница Агнес — совсем ещё девочка, лет шестнадцати, с пухлыми щёками и вечно испуганными глазами. Она появилась в обители в прошлом году, и Вера видела в ней себя прежнюю — такую же потерянную, ищущую спасения в стенах монастыря.

— Благодарю, сестра, — мягко ответила Вера. — Я сейчас приду.

Агнес кивнула и исчезла, оставив после себя запах ладана и воска. Вера ещё раз взглянула на долину, словно прощаясь с ней, и вышла из кельи.

Коридоры монастыря были лабиринтом, где любой неопытный мог заблудиться. Узкие, с низкими сводами, они вели то вверх, то вниз по каменным ступеням, стёртым до блеска миллионами ног. Сырость здесь всегда стояла такая, что стены покрывались испариной, а факелы едва горели, чадя и потрескивая. Вера шла уверенно, не глядя по сторонам, — каждый поворот был выучен за эти годы до автоматизма.

Молельня находилась в самом сердце монастыря, там, где камень был особенно толстым, а свет никогда не проникал сквозь окна. Здесь всегда царил полумрак, рассеиваемый лишь сотнями свечей, которые горели у стен, отражаясь в золотых окладах икон. Воздух был густым, тягучим от ладана, и Вера каждый раз чувствовала, как у неё слегка кружится голова.

Мать-настоятельница Изабелла сидела на резном дубовом стуле, больше похожем на трон. Ей было за шестьдесят, но возраст не сделал её дряхлой — напротив, она казалась высеченной из того же камня, что и сам монастырь. Острая, как лезвие, линия челюсти, глубоко посаженные глаза цвета штормового моря, белые волосы, собранные в тугий узел, и тонкие пальцы, сплетённые на коленях. Она была живым воплощением строгости и несокрушимой воли.

— Подойди, дитя моё, — произнесла она голосом, в котором звенели колокольчики давно ушедшей молодости.

Вера сделала несколько шагов вперёд и опустилась на колени, склонив голову. Так требовал устав при обращении к настоятельнице.

— Ты знаешь, какой день наступает сегодня? — спросила Изабелла, и в её голосе послышалась странная, почти неуместная торжественность.

— Суббота шестой недели после Пасхи, мать, — тихо ответила Вера.

— Да, — настоятельница чуть заметно улыбнулась, и эта

улыбка на её лице была подобна трещине на иконе — пугающей и неправильной. — Но есть кое-что ещё. Сегодня, ровно через пятьдесят лет после предыдущего чуда, Кровоточащий Крест снова явит свою милость. Мы удостоены великой чести стать свидетелями этого.

Сердце Веры дрогнуло. Она, конечно, слышала о реликвии — о ней знал каждый, кто переступал порог монастыря. Древний распя

тый Христос из чёрного дерева, хранящийся в главном алтаре, который раз в полвека начинал плакать кровавыми слезами. Это было главным чудом обители, тем, ради чего сюда стекались паломники, тем, что приносило монастырю славу, деньги и власть.

— Это великое благословение, мать, — выдавила Вера.

— Великое, — согласилась настоятельница, и её глаза на мгновение блеснули в отсветах свечей. — И я хочу, чтобы ты, сестра Вера, была рядом у алтаря в момент явления. Ты достойна этой чести. Твоя вера чиста, твои молитвы усердны.

Вера подняла глаза, удивлённая. Она никогда не была в числе приближённых настоятельница. Она была скромной послушницей, одной из многих. Что изменилось?

— Я... я благодарна вам, мать, — запинаясь, проговорила она. — Но почему именно я?

Изабелла медленно поднялась со своего места, и её фигура, затянутая в чёрную рясу, стала ещё более устрашающей.

Она подошла к Вере, и та почувствовала запах старого лада-на и ещё чего-то неуловимо сладковатого, от чего у неё за-сосало под ложечкой.

— Потому что, — прошептала настоятельница, наклоня-ясь к самому уху девушки, — ты — дочь последней той, кто принесла себя в жертву ради этого чуда.

Вера замерла. Её мать? Она умерла, когда Вере было семь лет. Говорили — от чахотки, в муках, но с молитвой на устах. Вера плохо помнила её — лишь тепло рук, запах молока и хлеба да смутный образ женщины с печальными глазами. Её похоронили на городском кладбище, и Вера почти не наве-щала могилу.

— Что вы имеете в виду? — голос Веры дрогнул. — Моя мать умерла от болезни.

Изабелла выпрямилась и посмотрела на девушку с выра-жением, которое Вера не смогла прочитать. В нём смешались сострадание, торжество и что-то ещё — тёмное, пугающее, похожее на голод.

— Многие умирают от болезней, дитя моё, — ответила она. — Но не все умирают с верой, что их смерть подарит жизнь другим. Твоя мать была особенной. Она знала, что её плоть и кровь — это цена, которую нужно заплатить, чтобы Крест снова заплакал. И она заплатила.

Воздух в молельне стал вдруг невыносимо тяжёлым. Вере казалось, что она задыхается, что стены сдвигаются, сжима-ют её в каменных объятьях. Она хотела закричать, вскочить

на ноги, убежать, но тело не слушалось. Она только смотрела в глаза настоятельницы, видя в них отражение своего собственного ужаса.

— Вы хотите сказать... — прошептала она, — что мою мать... убили?

— Нет, дитя, — Изабелла покачала головой и в её голосе послышалась почти материнская нежность. — Она принесла себя в жертву добровольно. Как ты, возможно, сделаешь сегодня, если Господь призовет тебя. Или если мы попросим.

Она замолчала, давая словам осесть в сознании девушки. Где-то в коридоре послышались шаги — тяжёлые, размеренные, будто кто-то нёс неподъёмный груз. Вера смотрела на руки настоятельницы — сухие, с вздутыми венами, и вдруг отчётливо поняла, что эти руки держали её мать, когда та умирала. Возможно, даже помогали ей умереть.

— Зачем? — спросила она, и голос её был чужим, будто не её. — Зачем всё это? Крест... он же просто кусок дерева. Чудо не может стоять жизни.

Изабелла рассмеялась. Смех был тихим, мелодичным, похожим на звон разбитого стекла.

— О, сестра Вера, — сказала она, и в её глазах заплясали безумные огоньки. — Как же ты ещё наивна. Чудо стоит всегда. Кровь — это плата за то, чтобы вера оставалась живой. Без крови она становится сухой и мёртвой, как лист, упавший с дерева. Но ты права в одном — Крест не просто дерево. Он — портал. Он — голос. Он — эхо той веры, что

была у первых мучеников. И чтобы оно не умолкло, нужна жертва. Нужна ты.

Вера резко вскочила на ноги, отступая к двери. Её сердце колотилось так бешено, что она слышала его биение в висках.

— Я не согласна, — выдохнула она. — Я не позволю вам убить себя. Я уйду из монастыря.

— Уйдёшь? — Изабелла улыбнулась, и в улыбке этой было столько спокойной уверенности, что Вера замерла. — Куда? В долину? К людям, которые никогда тебя не знали? К отцу, который бросил тебя, когда тебе было пять лет? К брату, который даже не помнит, как тебя зовут? Зде

сь — твой дом. Здесь — твоя судьба. И сегодня ты займёшь место у алтаря, рядом со мной. Ты увидишь чудо. А после — мы поговорим о твоей жертве.

Она подошла к Вере и коснулась пальцами её подбородка, заставляя поднять голову. Прикосновение было ледяным, мёртвым.

— Ты не первая и не последняя, — прошептала настоятельница. — Но ты — особенная. Твоя кровь — от той крови, что уже однажды питала веру. Она сильнее. Она чище. Она даст Кресту слёзы на столетие вперёд. Имя твоей матери будет благословенно. И твоё имя — тоже. Ты станешь святой, Вера. Мученицей. Разве это не то, о чём ты всегда мечтала?

Вера молчала. Её трясло мелкой дрожью, но внутри, в са-

мой глубине души, шевельнулось что-то странное. Воспоминание. Мать, склонившаяся над её кроваткой. Мать, шепчущая: «Не бойся, доченька. Я сделаю это ради тебя. Ради всех нас». Тогда Вера не поняла этих слов. Теперь, спустя пятнадцать лет, они обрели ужасающий смысл.

Она вырвалась из рук настоятельницы и выбежала из молельни, захлопнув за собой тяжёлую дубовую дверь. Коридор встретил её сыростью и полумраком. Она бежала, не разбирая дороги, по лестницам вниз, к тем этажам, куда редко заходили послушницы, где хранились старые архивы, забытые реликвии, пыльные свитки.

Она должна была узнать правду. Всю правду. О матери. О Кресте. О жертвах. О том, почему эхо алой веры до сих пор звучит в этих стенах, требуя новой крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.